

Ольга ПАНОВА
ПЕРЛ С. БАК И СССР*

Аннотация. Статья посвящена литературной репутации Перл С. Бак в СССР и ее немногочисленным советским контактам. С 1934 г. и до войны в СССР регулярно публиковались произведения писательницы, ее творчество активно освещалось литературной критикой. В статьях о ней С. Третьякова, А. Елистратовой, Г. Мунблита, Мих. Левидова и других советских критиков быстро сложился набор идеологически обусловленных штампов, определивших литературную репутацию Перл Бак в СССР до конца советской эпохи: писатель-реалист, чей большой талант оказался ограничен религиозным воспитанием («дочь миссионера») и классовым мировоззрением (буржуазная писательница, представитель американских империалистско-колонизаторов Китая); отсюда выводятся и особенности ее стиля, манеры повествования (эпичность, «библейская» беспристрастность, дефицит злободневного социального контекста и идейно-правильных оценок и т.д.). После Второй мировой войны Перл Бак не публикуют в СССР, после нескольких критических статей 1950–1960-х гг. (в них оценки ее творчества колеблются в зависимости от ритма отношений СССР с Китаем) наступает период забвения. Постсоветские публикации романов П. Бак в 1990-е годы делаются уже в иной логике — коммерческого книгоиздания. Статья сопровождается публикацией нескольких архивных документов — переписки П. Бак с советскими литературными институтами в 1930–1940-е гг. по вопросам публикации ее произведений и авторского гонимого стенограммы обсуждения романа П. Бак читательским активом фабрики «Парижская коммуна» (середина 1930-х гг.) под руководством литературного критика Е.Д. Трощенко и перепечаткой интервью П. Бак, данного американскому литератору-коммунисту У. Кармону для «Литературной газеты» (1937).

Ключевые слова: Перл С. Бак, СССР, советско-американские литературные контакты, литературная репутация, литературная критика, архивные документы, идеология и литература, читательская рецепция, У. Кармон, С. Третьяков, А. Елистратова.

© 2017 Ольга Юрьевна Панова (Московской государственной университет им. М.В. Ломоносова; профессор; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ст. научный сотрудник, доктор филол. наук), literatura.da@gmail.com

---

* Автор благодарит С.И. Панова за идею статьи и помощь в поиске материала.

Olga PANOVA

PEARL S. BUCK AND THE USSR

Abstract: The article explores Pearl S. Buck's contacts with the Soviet Union and her literary reputation there. Since 1934 and up to the war (1943) her works have been regularly published and actively discussed by literary critics (S. Tretyakov, A. Elistratova, G. Mublīt, M. Levidov and others) in the USSR. In their essays a set of ideologically bound clichés quickly was formed which determined Buck's literary reputation up to the end of the Soviet period. She was treated as a strong realist, though her great talent was supposed to be limited by her religious "prejudices" ("a missionary's daughter") and her class affiliation ("a bourgeois writer", "a spokesman for the American imperialists and colonialists"). Hence her manner of narration is understood as closely bound up with her attitudes: epic, "biblical" impersonal style, lack of bias, up-to-date social context, and ideologically "correct" evaluations. After the World War II Pearl Buck's works are not published in the USSR; the attitude to Buck expressed in several critical essays of the 1950–1960-ies varies depending on the vacillating rhythm of Soviet-Chinese relations. Publishing of Buck's books in the 1990-ies after several decades of silence, has nothing to do with the Soviet traditions and follow the demands of the arising literary market in post-Soviet Russia. The article is supplied with publication of archived documents: Pearl Buck's correspondence with Soviet literary institutions about the publishing of her works and her royalties, a shorthand report of mid-1930-ies (a core group of readers from the factory "Paris Commune" discusses Pearl S. Buck's works with the literary critic E.D. Troshchenko), and a re-publication of Pearl S. Buck's interview to Walt Carmon, American communist, editor, journalist, for *Literaturnaya Gazeta* (1937).

Keywords: Pearl S. Buck, USSR, Soviet-American literary contacts, literary reputation, literary criticism, archived documents, ideology and literature, readers' reception, Walt Carmon, Sergey Tretyakov, Anna Elistratova.

Творчество Перл Сайденстрикер Бак (1892–1973) так тесно связано с Китаем, что нередко ее называют китайско-американской писательницей (в Китае она известна под именем Сай Женжу). Родители, работавшие в пресвитерианской миссии, увезли ее с собой в Китай в полугодичном возрасте, и там, неподалеку от Нанкина, прошли ее детство и юность. Одним из самых сильных потрясений для нее и ее семьи стало Ихэтуаньское («боксерское») восстание (1899–1901). Перл Сайденстрикер посещала школу при миссии, в 1911 г. уехала в США для учебы в женском колледже Рэндольф-Мейкон в Вирджинии, но в 1914 г. вернулась обратно в Китай, чтобы быть рядом с серьезно больной матерью. В 1917 г. Перл Сайденстрикер стала женой Джона Лоссинга Бака, миссионера и специалиста по экономике сельского хозяйства. Несколько лет они прожили в Сучжоу, в провинции Аньхой — именно этот край описан Перл Бак в романах «Земля» и «Сыновья». В 1920-е гг. Перл и Джон Бак работают в университете Нанкина. За десять лет они неоднократно сталкивались с трудностями, опасностями, лишениями. Самым страшным событием стала Нанкинская резня 1927 года, когда им пришлось скрываться в Нанкине, затем бежать в Шанхай, а оттуда — в Японию. Перл Бак покинула Китай в 1934 г., вернулась в США и поселилась в Пенсильвании, где прожила всю оставшуюся жизнь. За переездом последовали развод с Джоном Баком и второй брак с Ричардом Уолшем, создателем издательства «John Day Publishers», где был выпущен роман П. Бак «Восточный ветер, западный ветер» (1930). В США Перл Бак занималась литературным трудом и благотворительной деятельностью. В Китае в период культурной революции Бак была объявлена *persona non grata*, представителем американского империализма и колониализма. Коммунистические власти отказали ей в разрешении на въезд, когда она была включена в состав президентской делегации во время подготовки визита Никсона в Китай. Менялось не только отношение официального Китая к Перл Бак — менялась и оценка Перл Бак процессов, происходивших в Китае: если в 1930–1940-е гг. она придерживается левых взглядов, то в 1960-е гг. осуждает эксцессы коммунистической диктатуры в повести «Сатана никогда не спит» (1962)¹.

Для российского литературоведа-американиста Перл С. Бак — фигура, давно, еще с 1950-х гг., отошедшая на дальнюю периферию штудий в области американской литературной истории. Для современного российского читателя имя Перл С. Бак если и не вовсе неизвестно, то, во всяком случае, никак не связывается с великой

---

¹ В 1962 г. в США по этой повести был снят фильм «Дьявол не спит», сценарий Перл С. Бак.

американской классикой XX века, с эпохой Фолкнера, Хемингуэя, Синклера Льюиса, к которой, на самом-то деле, принадлежит эта писательница — еще один американский писатель-нобелеат (1938) этого поколения, более того, первая американка, получившая Нобелевскую премию по литературе.

После полувекового перерыва издание у нас ее произведений возобновилось в 1990-х гг., когда многие забытые и запретные авторы стали возвращаться — уже не в СССР, а в Россию; однако выпускались книги Бак в первое постсоветское десятилетие в основном как «легкое чтение» в соответствующих сериях коммерческих издательств². Между тем, в 1930–1940-е гг. Перл Бак была широко известна в СССР как автор серьезных, талантливых и глубоких социальных романов, и ее имя часто фигурировало в советской периодике — в центральной прессе («Известия»), в «Литгазете», «Интернациональной литературе», «Знамени», в ряде других литературных журналов, а также в специальных книговедческих изданиях.

Первым произведением Перл Бак, появившимся в СССР, стал ее роман «Земля» («The Good Earth», 1931) — начало трилогии «Дом земли» («The House of Earth», 1931–1935): фрагменты романа были напечатаны в 1934 г. в «Интернациональной литературе» и «Прожекторе», и в том же году вышло первое отдельное издание, которое, как и публикация в «Интерлите», сопровождалось статьей о романе знатока китайской темы С. Третьякова³. Затем была опубликована вторая часть трилогии — роман «Сыновья»⁴; одновременно в советской периодике («Красная новь», «Огонек», «За рубежом», «Интернациональная литература», «Молодая гвардия»,

² Бак П. Призрак старого замка // «Я приду плюнуть на ваши могилы». Антология. М.: ИннКо; Калита, 1993. С. 259–447; Бак П. Гордое сердце. М.: Вече, 1994; Бак П. Императрица. М.: КРОН-Пресс, 1994. Исключением на этом фоне выглядит продукция издательского дома «Панорама», выпустившего рассказы и мемуарную книгу Бак в серии классической прозы и соответствующем классично-строгом оформлении: Бак П. Рассказы. М.: Панорама, 1997; Бак П. Чужие края. Воспоминания. М.: Панорама, 1997.

³ Бак П. Земля. Отрывки из романа / Пер. Н. Дарузес. Третьяков С. О «Земле» Перль Бак // Интернациональная литература, 1934. № 2. С. 34–57, 99–102; Бак П. Свадьба. Глава из романа // Прожектор. 1934. № 4. С. 18–22; Бак П. Земля / Пер. Н. Дарузес. Предисл. С. Третьякова. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. Роман дважды переиздавался: в 1935 г. (М.: ГИХЛ) и в 1936 г. (М.: Гослитиздат). Фрагмент в другом переводе был издан отдельным дешевым изданием — Бак П. Земля / Пер. А.Д. Гуревича. М.: Жур-газ. объединение (сер. «Библиотека Огонек»), 1935.

⁴ Бак П. Сыновья / Пер. Н. Дарузес. М.: Гослитиздат, 1935.

«Знамя», «Смена» и др.) печатались ее рассказы, фрагменты романов, публицистика. При этом, судя по всему, у советских литературных институций не завязалось сколько-нибудь регулярных и содержательных контактов с писательницей — в отличие от многих печатавшихся в СССР американских авторов ее поколения, с которыми вели переписку представители Союза писателей, литературных журналов, переводчики. Обмен письмами с Перл Бак был, видимо, sporadическим и не слишком результативным. Сохранилось письмо к ней С.С. Динамова, главного редактора «Интернациональной литературы», датированное апрелем 1937 г.⁵ (за полтора года до его ареста): в нем Динамов цитирует благожелательную рецензию Г. Фиша на только что опубликованный роман Бак «Мать»⁶, сообщает, что отправил Перл Бак экземпляр журнала с рецензией и просит ее написать ответное письмо. Тема, официальное обращение и стиль письма — все свидетельствует о том, что Бак не была постоянным корреспондентом Динамова, который вел обширную переписку со многими англоязычными авторами. Тем не менее, она была среди американских литераторов, которые высказались в поддержку СССР во время Великой отечественной войны⁷. Акции по сбору таких высказываний и посланий зарубежных писателей несколько раз организовывались Иностранной комиссией ССП — как напрямую (телеграммы писателям), так и с помощью «эмиссаров» за границей. В США одним из таких «эмиссаров» был Уолт Кармон, до войны писавший о Бак в советской прессе⁸; скорее всего, этот материал был получен «Интернациональной литературой» с его помощью.

Сохранилась пришедшаяся на годы войны (1943–1944) небольшая по объему переписка П. Бак и ее агента Дэвида Ллойда с Б.Л. Сучковым (тогда — главредом «Интернациональной литературы») и зам. председателя Иностранной комиссии ССП М.Я. Аплетиным, касающаяся главным образом денежного вопроса. Из переписки явствует, что писательница ни разу не получала гонорар за публикацию своих произведений в СССР и никак не участвовала в процессе издания своих книг. Первое письмо Бак было отправлено

---

⁵ С. Динамов — П. Бак. 14 апреля 1937 г. РАГЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 793а.

⁶ Фиш Г. Рецензия на книгу П. Бак «Мать» (М., 1936) // Литературное обозрение, 1937. № 4. С. 26–28.

⁷ Бак П. [Приветствие Советскому Союзу] // Интернациональная литература. 1942. № 7. С. 139.

⁸ Кармон У. «Воинствующий ангел» Перл Бак // Интернациональная литература. 1937. № 2. С. 234–235; Кармон У. Беседа с Перл Бак // Литературная газета. 1937. 30 марта.

Б.Л. Сучкову в ответ на его послание, информировавшее автора о скором появлении в «Интернациональной литературе» ее романа «Драконье племя»:

15 декабря 1942 г.

Дорогой мистер Сучков,

Очень признательна за вашу телеграмму, из которой я с удовольствием узнала, что «Семя Дракона» выйдет на русском языке. Несомненно, Вы уже получили от моего агента, Давида Ллойда, ответ на ваш запрос, по какому адресу можно перевести гонорар. Я пошлю вам также кое-что из того, что было в последнее время написано мною на темы, связанные с войной, в которой ваша страна и моя страна являются союзниками. Большинство моих статей об американской точке зрения, преимущественно, однако, в отношении Дальнего Востока и мировой политики.

Я очень признательна за то, что вы говорите о моей работе, которая действительно направлена против фашизма за свободу и равенство людей во всем мире.

Искренно Ваша Перл С. Бак⁹.

Гонорары в «инвалюте» за рубеж переводили обычно только наиболее крупным авторам — «друзьям Советского Союза», в сотрудничестве с которыми в СССР были особо заинтересованы (например, Т. Драйзеру). Остальные иностранные писатели могли получать гонорар частично в валюте, частично в рублях — или только в рублях. Рублевый гонорар переводился на счет в советском банке, открытый на имя автора. Чтобы получить этот гонорар, писатель должен был прибегать к разным способам: приезд в СССР, просьба что-то купить и передать «с okazji» и т.д. Гонорары Перл Бак переводились на ее рублевый счет, с которого она не могла получить деньги, находясь в США. В феврале 1944 года в письме к М. Аплетину она снова пытается прояснить вопрос об авторском вознаграждении:

Время от времени я узнаю, что мои книги продаются в России и ряд моих рассказов используется в русских журналах. Это всегда доставляло мне удовольствие вследствие моего большого интереса к русскому народу. Мне также хотелось бы знать, сколько денег находятся на моем счету в результате поступления гонораров, и каким образом можно сделать, чтобы часть этих денег перевести мне. Несколько лет тому назад я попросила прислать мне расчет, и Государственное издательство сообщило мне сумму, которая в то время была на моем счету. Теперь мне сообщили, что Иностранная комиссия советских писателей сможет до некоторой степени действовать как представляющая мои ин-

---

⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1079. Перевод Н. Камионской. Машинописный перевод помечен карандашом: «получено 9 марта 1943 г.».

тересы, и через нее я сумею получить сведения по настоящее время о сумме, которую мне должны, и что вы также сумеете предложить, каким образом я смогла бы получить часть этой суммы или всю ее¹⁰.

В ответ Аппетин 20 апреля отправляет письмо с подробной информацией о публикации в СССР американских писателей, прилагает список вышедших в СССР произведений Перл Бак, а также статей и рецензий, посвященных ее творчеству. И ни слова — о деньгах. В июле 1944-го Аппетину пишет агент писательницы Д. Ллойд; его письмо — достаточно любопытный документ, иллюстрирующий непростую проблему денежно-договорных отношений между советскими литературными организациями и западными писателями. Приведем его с некоторыми сокращениями:

Нью-Йорк, 17 июля 1944 г.

Дорогой мистер Аппетин,

Мисс Перл С. Бак просила меня как ее литературного агента и представителя написать вам как следствие вашего письма к ней от 20 апреля 1944 г. [...] Я несколько раз писал Н.Н. Накорякову, директору Гослитиздата в Москве, с просьбой от имени мисс Бак сообщить о следущем ей гонораре и о том, как может быть реализована уплата этого гонорара автору. Должен, к сожалению, заметить, что я так и не получил ответа на мои письма.

Насколько мы понимаем, хотя авторское право и не применяется в вашей стране, все же в СССР признается за иностранными авторами право получать компенсацию за продажу их произведений. Так, в отношении мисс Бак я полагаю, что были переведены на ее счет деньги в Государственный банк в Москве в качестве компенсации за продажу ее книг в СССР. Однако мне как ее представителю ни разу не удалось получить ни какого-либо гонорара для нее, ни какой-либо информации о тех условиях, на каких производится уплата гонорара американским писателям. [...]

Мой многолетний опыт в качестве литературного агента, представляющего интересы американских писателей, позволяет мне сказать, что у американских писателей вообще наблюдается нежелание посылать свои произведения в вашу страну для перевода и издания их. Такое положение вещей существует, как я полагаю, в результате непонимания американскими писателями издательской политики в вашей стране, а также по причине того, что во многих случаях им не выплачивалась компенсация за литературные труды, уже переведенные и напечатанные в СССР.

Приведенные в вашем письме статистические данные относительно числа переводившихся в СССР американских писателей и тиража их книг, поистине представляют величайший интерес. Однако имеется еще

---

¹⁰ Перл Бак — М. Аппетину. 8 февраля 1944 г. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1089. Л. 1–2. В фонде отложились оригинал письма и его русский перевод, который и приводится здесь.

цельный ряд американских писателей, до сих пор не издававшихся в СССР, чьи произведения, несомненно, представили бы интерес для наших соотечественников. Этих писателей, несомненно, следовало бы поощрить, и они были бы заинтересованы в том, чтобы посылать свои произведения для перевода и издания в СССР, если бы они знали, что из труды будут напечатаны на справедливых для них условиях и они получат гонорар за проданные книги[...]»¹¹.

Видимо, Перл Бак так и не удалось получить гонорар ни за издания 1930-х гг., ни за последнее из опубликованных в советское время ее произведений — роман «Драконово племя» (*Dragon Seed*, 1942)¹². После 1949 г. Перл Бак, объявленная *persona non grata* в коммунистическом Китае, оказалась таковой и в Советском Союзе, поддерживавшем в 1950-е гг. китайский режим. Резкий тон первых послевоенных публикаций о ней¹³ контрастирует с уважительным и в целом доброжелательным отношением, характерным для статей и рецензий 1930-х гг. Во второй половине 1950-х-1960-е гг., на фоне обострения отношений с КНР в хрущевский период, появились четыре рецензии на произведения Бак, написанные в сдержанно-нейтральном тоне¹⁴; однако возвращения Перл Бак к читателю в позднесоветское время так и не произошло.

Публикация русского перевода романа «Земля» в 1934 г. стала крупным литературным событием в СССР: в 1934–1935 гг. в прессе появилось около десяти статей и рецензий, посвященных Перл Бак, и еще столько же — до 1938 г. включительно. Ее литературная репутация сложилась уже в первый год, и важную роль в этом сыграл С. Третьяков, автор широко известной пьесы «Рычи, Китай!» (1925; 1926) и романа «Дэн-Ши-хуа» (1930); его высказывания по китайскому вопросу имели особый вес. Третьяков написал статью о «Земле» в «Интернациональной литературе» и предисловие к пер-

¹¹ Дэвид Ллойд — М. Аппетину. 17 июля 1944 г. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1089. Л. 14–15. Приводится русский перевод письма, отложившийся в фонде Иностранной комиссии ССП.

¹² Бак П. Драконово племя / Пер. Н. Дарузес, Т. Озерская // Интернациональная литература, 1943. № 1. С. 27–116.

¹³ Красноречивы названия публикаций о Бак, появившихся сразу установления коммунистического режима в Китае: *Сергеева Н.* Банкротство одного «знатока Китая» // Новое время. 1950. № 11. С. 27–31; *Сергеева Н.* Нет, революцию не экспортируют // Советская женщина. 1956. № 6. С. 30.

¹⁴ В том числе в специализированном научном журнале: *Занегин Б.Н., Кунин В.В.* Рецензия н роман *The Man Who Changed China* // Советское китаеведение. 1958. № 3. С. 183–189; отметим также рецензию на роман «Прикажи тру» (*Command the Morning*, 1959): *Эйшикина Н.* Мирный ли атом? // Иностранная литература. 1960. № 6. С. 268–269.

вому худлитовскому изданию романа¹⁵, и в дальнейшем на его оценки постоянно ссылались прочие критики — А.А. Елистратова, А. Селивановский, Г.Н. Мунблит¹⁶ и др., писавшие о Бак в 1934–1935 гг. В это время складывается набор общих мест, которые и определили канонические советские трактовки творчества писательницы — канон этот почти не менялся на протяжении 1930–1960-х гг. Критики подчеркивают, что Перл Бак — миссионерка и дочь миссионеров, и это объясняет ее «ограниченное» христианством миропонимание и характерный бесстрастный, эпический «библейский стиль» («Земля» «написана приподнятым, величавым, размеренным языком, от которого, так же как и от заглавия, веет библией»¹⁷).

Стиль письма тесно связан с мирозерцанием писательницы: «Это библейское спокойствие и на минуту не покидает автора “Земли” на протяжении всей ее книги. Это больше, чем простой профессиональный пережиток миссионерской деятельности писательницы [...] это — синтетическое выражение всего мировоззрения автора [...]. Вечный бесстрастный круговорот жизни и смерти, тщетность всякой жизненной борьбы и усилий, церковное смиренное “земля ты еси, в землю и отыдеши” — вот основные элементы мировоззрения, на которые опирается Перл Бак [...]»¹⁸. На этом основании Бак сравнивали с Золя, Гамсуном, Гарди; помимо «реакционно-религиозного мирозерцания» у Бак обнаруживали идеализацию отсталости и «фаталистической пассивности китайского пролетариата и крестьянства»¹⁹.

Настойчиво повторяется у всех советских критиков мысль об установке Бак на «внеисторичность» и «затушевывание», «замалчивание» социальных проблем Китая, идущей там классовой борьбы. С. Третьяков подчеркивает, что Бак принципиально не указывает ни точного времени, ни места действия — и в итоге повествование оказывается вне «конкретной обстановки», словно «вынутый из тела орган, тщательно отпрепарированный от соседних тканей»²⁰. Бак «изъяла персонажей своего романа из истории, поставив из вне времени и пространства» — и в итоге в «произведениях

¹⁵ Третьяков С. Разговор с читателем // Бак П. Земля. М.: ГИХЛ, 1934. С. 3–12.

¹⁶ Елистратова А.А. Талантливая апологетика кулацких иллюзий // Художественная литература. 1934. № 6. С. 32–36; *Ее же*. Китай вне истории // Художественная литература. 1935. № 9. С. 41–43; Селивановский А. Реализм и тенденциозность // Литературная газета. 1934. 2 июня; Мунблит Г. Заметки о «Земле» Перл Бак // Знамя. 1935. № 12. С. 171–179.

¹⁷ Мунблит Г. Заметки о «Земле» Перл Бак. С. 174.

¹⁸ Елистратова А. Талантливая апологетика кулацких иллюзий. С. 34.

¹⁹ Там же. С. 35.

²⁰ Третьяков С. О «Земле» Пэрль Бак. С. 100.

буржуазной романистки» звучит «проповедь квиетизма, отказа от действия, отказа от борьбы»²¹. Однако эпический «объективистский» стиль Бак «маскирует» интересы определенного класса, выполняет социальный заказ. В ее романах обнаруживают идеализацию «китайского кулака»: «[...] разоряются тысячи бедняков, — и это не герои для буржуазного писателя; богатеют десятки кулаков — вот это настоящий герой для писателя, защищающего частную собственность. И Перл Бак делает своим героем кулака, эксплоататора Ван Луна»²², к тому же представляя его как обладателя «“общечеловеческих” извечных крестьянских добродетелей»²³. Оказывается, Перл Бак, наблюдавшая «китайскую жизнь неизменно извне, с высоты своего положения белой “цивилизованной” американки, выполняет социальный заказ западных, в первую очередь, американских империалистов-колонизаторов Китая»²⁴.

Подобная разоблачительная критика в адрес «буржуазной миссионерки», тем не менее, сочетается с высокой оценкой мастерства Бак как писательницы и лестной характеристикой ее как в высшей степени талантливого художника-реалиста, досконально знающего свой материал:

Книга Пэрль Бак — значительная книга. Она многому учит нас [...] [Бак], видимо, принадлежит к тому типу миссионеров, которые наиболее плотно врастают в население. Они досконально изучают язык и нравы, они одеваются в одежду народов, с которыми живут. Они зачастую выступают против оголтелых выходов своих же чиновников-колонизаторов [...]»²⁵.

Реализм Бак противопоставляется развлекательной литературе — «буржуазному колониально-экзотическому» или приключенческому роману:

Роман «Земля» [...] не экзотически-романтичен. Он реалистичен. Экзотические особенности китайского народа в нем даны не как кунсткамерный набор волнующих воображение редкостей, а как связанная система весьма закономерного быта крестьянской патриархальной семьи»²⁶.

Судя по благочестивой профессии автора, от нее следовало бы ожидать какой-нибудь слезливой дребедени о желтых братьях во Христе, приправленной экзотическим соусом «душа востока». Однако роман Пэрль

²¹ *Елистратова А.А.* Китай вне истории. С. 42.

²² Константинов Н. «Чувство земли под ногами» // Литературный современник. 1935. № 2. С. 223.

²³ *Елистратова А.* Талантливая апологетика кулацких иллюзий. С. 33.

²⁴ Там же. С. 35.

²⁵ *Третьяков С.* О «Земле» Пэрль Бак. С. 99.

²⁶ Там же. С. 100.

Бак совсем не слезлив и далек от экзотики. Даже удивительно, что миссионер написал такую правдивую, глубоко реалистическую книгу²⁷.

Однако, констатировав эти достоинства, критики далее задаются «серьезным вопросом о степени правдивости творчества Перл Бак, о потенциальных границах и возможностях ее реализма». Именно здесь — точка максимального расхождения оценок. Наиболее благожелательные рецензенты, как например, Г. Мунблит, предпочитают увидеть в Бак в первую очередь талантливую художника, чей реализм и верность правде жизни оказываются сильнее ее буржуазной ограниченности и заблуждений: «Реализм, которому Перл Бак не изменила на протяжении всей книги, оказался сильнее предвзятой идеи, легшей в ее основу»²⁸. Другие критики, напротив, полагают, что ограниченность мирозерцания мешает ее реализму, и все лучшее, что есть в ее книгах, сделано вопреки ее сознательному намерению:

Порой писательница даже более реалистична, чем бы она сама того хотела. Одаренная чутьем настоящего художника, она видит и отображает жизнь глубже, чем позволяет ей ее ограниченное мелкобуржуазной моралью миропонимание [...] Как настоящий художник Перл Бак не смогла уйти от правды жизни и, в противовес своему замыслу, дала богатый материал о капиталистическом обществе[...]²⁹.

Противоположный тезис отстаивает Мих. Левидов: Бак, находясь в плену религиозных заблуждений и классовой ограниченности, не смогла реализовать свой талант реалиста, которым, несомненно, она потенциально обладает:

Она, по-видимому, мечтала создать произведение большого размаха и высокого качества; будучи, неосознанно себя, пленником самой затхлой буржуазной иллюзии [...] она сумела дать лишь доброкачественное чтиво, хотя непосредственный ее литературный талант давал ей право надеяться на большее. Таков смысл печального происшествия с американской писательницей³⁰.

Как известно, важной миссией литературной критики в СССР было воспитывать читателя, внедрять в него правильные идейно выдержанные представления. «Работа с читателями», практиковав-

---

²⁷ Константинов Н. «Чувство земли под ногами». С. 222.

²⁸ Мунблит Г. Заметки о «Земле» Перл Бак. С. 174.

²⁹ Колесникова Г. Проповедь возвращения // Интернациональная литература. 1936. № 1. С. 122–123.

³⁰ Мих. Левидов. Видимость и реальность. Трилогия Перл Бак // Знамя. 1935. № 12. С. 250.

шаяся ГИХЛ, включала в себя «комплекс мероприятий»: культмассовый отдел собирал и обрабатывал читательские отзывы, проводились «читки», лекции и обсуждения книг с читательскими активными в клубах, на предприятиях, в колхозах и т.д.³¹. Публикуемый документ из фонда Государственного издательства художественной литературы (РГАЛИ) представляет собой стенограмму одного из таких типичных мероприятий. Встречу с читательским активом фабрики «Парижская коммуна», происходившую в 1935 или 1936 г.³², ведет литературный критик Екатерина Дмитриевна Трощенко (1902–1944), уроженка Киева, жена известного литературоведа В.Д. Днепрова (Резника). Выпускница МГУ (1930), с рубежа 1920–1930-х гг. она в числе других РАППовских критиков печаталась в журналах «Красная новь», «Октябрь», «На литературном посту»; в 1939 г. переехала в Воронеж вслед за мужем (Днепров был репрессирован в 1935 г., к 1940 г. вышел из заключения), преподавала вместе с ним до начала войны в Воронежском педагогическом институте. Осенью 1941 г. супруги уехали в Саратов, где Трощенко работала в редакции газеты «Коммунист»; затем ее пригласили в Москву в отдел литературной критики газеты «Литература и искусство»³³.

Работа Е.Д. Трощенко с читательской аудиторией заключается в донесении до читателей и закреплении в их сознании коллекции общих мест о Перл Бак, сложившихся в советской критике к середине 1930-х гг. Вначале этот набор готовых формул транслируется критиком во вступительном слове. Затем в ходе беседы с аудиторией все высказывания любителей чтения, все их впечатления, соображения направляются в верное русло, (ре)интерпретируются и подстраиваются под единственно верную каноническую трактовку. Эта работа критика, происходившая в реальном времени и с конкретной аудиторией — наглядный пример «идеологии в действии»: в документе представлена технология и «обработки» сознания, показана рутинная практика «формовки советского читателя».

Возможности для коррекции реальностью устойчивых клише были в середине 1930-х гг. невелики, но все же они были. Несколькими иной образ Перл Бак предстает в посвященных ей переводных американских публикациях. Авторы этих материалов Уолт

³¹ О формах работы с читателем, практиковавшихся в СССР см.: Добренко Е.А. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997.

³² Документ не датирован; в датировке можно отталкиваться от упомянутого в обсуждении «дешевого» издания романа «Земля» («Жургаз», 1935).

³³ Так в период с 1942 по 1944 г. называлась «Литературная газета» в результате слияния с газетой «Советское искусство»

Кармон и писательница Анна-Луиза Стронг³⁴ — вовсе не «инакомыслящие» — напротив, американские левые, коммунисты, более того, убежденные сталинисты; но тем не менее, в ходе интервью, взятом у П. Бак У. Кармоном и опубликованном в «Литгазете» (1937) выясняется, например, что «миссионерка и дочь миссионеров» «не верит ни какую религию», что она — «враг империализма» и ненавидит капитализм как несправедливую и жестокую общественную систему; что с ее точки зрения все наиболее живые и перспективные явления в китайской литературе «приходят слева», и т.д.; словом, в этом небольшом материале содержится достаточно высказываний, противоречащих клишированному советскому «имиджу» писательницы, которая оказывается гораздо более левой и нон-конформистски настроенной, чем ее представляли в СССР. О «жестокое гнете религии», который глубоко ощущала и от которого страдала Перл Бак, о ее скепсисе по отношению к идеалу «американизма» пишет А.Л. Стронг. Однако не эти «апокрифические» публикации определяли восприятие американо-китайской писательницы и судьбу ее произведений в СССР.

Интерес к России и СССР, к русской и советской литературе, о котором говорит П. Бак У. Кармону, был у писательницы действительно достаточно глубоким. Этот интерес наиболее ярко выразился в книге Перл Бак «Разговоры о России с Машей Скотт» (1945)³⁵. Однако предпосылки для более близкого знакомства с Россией так и не были реализованы в полной мере. П. Бак не удалось побывать в СССР, и все ее и так не слишком крепкие связи с нашей страной окончательно прервались с конца 1940-х гг.

---

³⁴ Стронг А.Л. «Изгнание» Пэрл Бак // Интернациональная литература. 1936. № 7. С 195–196.

³⁵ Buck P.S. *Talk About Russia with Masha Scott*, N.Y.: John Day, 1945. Книга представляет собой беседу П. Бак с Марией Дикаревой-Скотт (1911–2004): вышедшая из крестьянской семьи, она закончила в Москве МХТИ им. Д. Менделеева, уехала в 1933 г. в строящийся Магнитогорск, где в 1934 г. вышла замуж за Джона Скотта — американского инженера, сына профессора-экономиста Скотта Ниринга, социалиста, известного деятеля левого движения в США, неоднократно посещавшего СССР, одного из основателей «Американо-русского института». В 1938 г. семья переехала в Москву, где Джон Скотт работал журналистом, а в 1941 г. сразу после начала войны Джон и Маша Скотт отбыли в США через Дальний Восток, Японию и Гавайи. В годы войны Маша Скотт активно участвовала в помощи СССР, будучи членом Общества помощи России в войне (*Russia War Relief*); Джон Скотт выпустил книгу «За Уралом: американец в русском городе стали» (*Behind the Urals: An American in Russia's City of Steel*. Indianapolis & Bloomington: Indiana UP, 1942), ставшей классическим пособием по изучению советской истории.

УОЛТ КАРМОН

БЕСЕДА С ПЭРЛ БАК³⁶

— Фашизм — это капитализм в новом обличье. А путь капитализма — неверный путь. Я верю в коммунизм, в его основы.

— Я — враг империализма, — заявила писательница. — Я не могу примириться с японским вторжением в Китай.

— Нанкинское правительство вряд ли имеет в виду благосостояние китайского народа. Его вожди — это настоящие люди Запада, с западным образом мыслей, воспитанные западными университетами.

— Красный Китай? Его я знаю недостаточно, — продолжала она. — Хотя я и семья моя жили в течение ряда лет у границ советского Китая, но я очень мало наблюдала, чтобы говорить об этом. Знаю одно, — что я ненавижу войну. Большую часть моей жизни я провела в самом центре войны и стала ее врагом.

Я задал вопрос: действительно ли нужны и полезны китайскому народу христианская церковь и огромное количество протестантских ее ответвлений?

— Совершенно не нужны, — ответила с живостью П. Бак. И прибавила: — Я не верю ни в какую религию. Я не верю в мистицизм, несмотря на то, что мой отец — «духовный империалист», миссионер — проповедывал в Китае христианство в течение нескольких десятилетий.

— Китайская литература? Наиболее мужественные и сильные ее явления приходят слева. — Пэрл Бак заговорила о бесчеловечном обращении с китайскими левыми писателями со стороны Нанкинского правительства, об убийстве Тинг-Линг.

Мы перешли к вопросу о Советском Союзе.

— Вы можете сказать, — произнесла она с откровенностью, — что мое отношение к Советскому Союзу — это отношение чрезвычайно заинтересованного человека, без всяких предвзятостей. Я восхищаюсь международной политикой Советов, их стремлением к миру. Я считаю разрешение национального вопроса в СССР прекрасным.

Пэрл Бак последовательна в своих взглядах. Я вспомнил ее многочисленные статьи и неоднократные заявления в защиту американских негров.

Пэрл Бак задает мне вопрос о возможностях полного выявления личности в Советском Союзе, особенно писателей, людей искус-

---

³⁶ Опул. в: Литературная газета. 1937. 30 марта.

ва. Я сказал ей, что писатели Советского Союза свободны с своим творчестве, что они создают книги для большинства народа. Я указал ей на выступление Молотова (появившегося как раз в этот день в американской печати), в котором говорится, что Алексей Толстой, бывший граф, стал теперь крупнейшим советским писателем.

Перл Бак очень нравятся произведения А. Толстого, так же как и М. Шолохова. «Тихий Дон» и «Поднятую целину» она недавно прочитала.

— Я читаю из советской литературы все, что могу найти в переводе, — сказала она. — Я бесконечно заинтересована в ней, потому что хочу увидеть перемены, которые внес в литературу переход от капитализма к советскому строю.

Перл Бак чрезвычайно рада, что ее произведения переведены на русский язык и так хорошо приняты советским читателем и критикой. Писательница говорит о своем желании посетить Советский Союз.

Горячо заинтересованная в судьбах американской литературы, Перл Бак заявила:

— Я убеждена, что в нашей стране писатель не может свободно выявить себя. Он связан коммерческими соображениями и рядом других обстоятельств. Это очень плохо. Трудно у нас быть честным писателем, — прибавила она.

Она считает, что популярные буржуазные журналы не способствуют созданию честной литературы.

— Возьмите для примера, — продолжает она, — писательницу-автора третьесортных романтических произведений для молодежи, вроде Кэтлин Норрис. Мне говорили, что любой ее роман, печатающийся сериями в одном из больших журналов, означает по существу добавочный тираж более чем в сто тысяч. Серьезный писатель у нас в стране не может рассчитывать на это.

В конце беседы мы снова вернулись к проблеме, концентрирующей вокруг себя общественное внимание: фашизм или коммунизм.

— Я ненавижу капитализм, — говорит Перл Бак. — Я не могу одобрить этой общественной системы, при которой народ голодает, окруженный изобилием, предназначенным для избранных.

СТЕНОГРАММА

обсуждения романа Перль Бак «ЗЕМЛЯ» активом читателей фабрики «Парижская Коммуна»³⁷

Тов. ТРОЦЕНКО: Книга «Земля» написана американской писательницей, американской миссионеркой в Китае — Перль Бак. Она прожила там всю жизнь, ее отец был в Китае тоже миссионером. Перль Бак отлично знает быт Китая, сжилась с народом, который она описывает, знает язык, как говорится в статье, сопровождающей дешевое издание этой книги, Третьякова. Третьяков дает ряд библиографических сведений о Перль Бак: там говорится о том, что эта писательница настолько сжилась с жизнью Китая, что китайский язык был для нее родным языком.

Появление этой книги было встречено очень горячо и за границей, и в Китае. В Китае ее встретили очень хорошо либеральные слои; она привлекла очень большое внимание и в Америке, и в других странах, и у нас, как только она появилась на русском языке, она сразу привлекла внимание критики и читателя.

Может ли эта книга ответить на все вопросы, которые имеются у нашего современного советского читателя, по отношению к Китаю? Правильно говорят, что интерес к этой книге вызван интересом среди нас к Китаю.

Мне кажется, как раз, одним из недостатков этой книги является именно то, что она мало может дать нам для того, чтобы понять ту политическую борьбу, которая происходит в Китае, и те социальные противоречия, которые имеют там место. Эта книга при всех огромных ее достоинствах лишена той исторической конкретности, того фона политических событий, которые нас могли бы очень обогатить. Эта книга дает нам картину крестьянской семьи, очень правдиво, очень талантливо, очень мастерски, но она дает эту картину изолированно от всех главнейших крупнейших событий последнего периода в Китае. Более того, эта книга построена так, что вы не можете даже точно установить исторических дат. Третьяков, написавший послесловие к этой книге, специально разбирает этот вопрос, устанавливает даты, и он только гадательно говорит об этом. Во всяком случае, целый ряд фактов, о которых она говорит в этой книге, свидетельствуют о том, что эти события происходят уже в XX веке. Но в то же время у нее есть ряд противоречий, несообразностей, которые не позволяют точно установить, в какое именно время это происходит. И это сделано не случайно, не просто от незнания или неумения автора, а это вытекает из всей философии этого автора.

---

³⁷ Документ приводится по источнику: РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 793.

Особенность этой книги заключается в том, что автор, помимо своей воли, помимо своего желания, показывает нам жизнь такой, как она есть. То, что эта писательница — Перль Бак — миссионерка, т.е. проникнута идеями религиозными, тот библейский стиль, в котором написана эта книга, ее библейская тема, — этот факт должен был определить самое направление этой книги. И действительно, получается так, что философия автора борется с показом действительности, которую она, может быть, помимо желания дает в своей книге. Это противоречие характеризует очень многих способных авторов. Я могу указать на творчество Золя — он написал очень много романов, изображающих в целом одну историю, одну крестьянскую семью, одна ветвь которой разбогатела, дала даже государственных деятелей, крупных биржевых и финансовых деятелей, а другая ветвь бедная, осталась на земле и влачит нищенское существование. Это знаменитая его эпопея Ругон-Маккаров, когда одна ветвь поднялась вверх, даже министры были в этой ветви, а другая ветвь — это Маккары, ветвь крестьянская, оставшаяся на земле. Золя думал, что он изображает историю одной семьи, а фактически изобразил историю Франции второй половины XIX века.

Та же самая история происходит и с Перль Бак, — она, изображая историю одной крестьянской семьи, изолируя ее от всех конкретных политических событий, только глубоко намекая на них, помимо своей воли дает очень острую социальную картину. Вот в чем особенность и специфическое противоречие этого автора. Сходство Перль Бак с Золя можно установить и по другой линии — по содержанию самой философии.

Почему эта книга названа «Земля», что она хочет сказать, какова идея этой книги? Она хочет сказать, что земля есть тот единственный источник жизни, силы, плодородия, здоровья, которого человек должен держаться, и оторвавшись от которого, он теряет всю свою мощь, всю свою силу, свое физическое и моральное здоровье. Библейский лозунг:

«Человек — ты вышел из земли и в землю вернешься. Держись земли, потому что здесь все твое счастье, все твое благополучие» — этот лозунг она переводит на историю семьи Лин Вана. Эту идею — идею плодородия, идею близости к земле проводит Золя, и у него есть роман, который называется «Земля». Он очень ярко, красочно изображал плодородие не только земли, но и плодородие женщины, рожаящей сильных, здоровых детей, — и только это приносит им простое человеческое счастье.

В конце концов, проводя такую идею, Перль Бак становится на путь идеализации, ограниченности и косности, и даже деревенской тупости, того самого деревенского идиотизма, о котором говорили

Маркс и Энгельс. Благодаря такой философии, благодаря этой идее земли, именно в таком философском широком смысле слова Перль Бак приходит к идеализации, в конце концов, кулацкого направления. Ведь кто такой крестьянин, которого она показывает? История его жизни — это история кулака, история человека, который разжился. Правда, она уходит от того, чтобы показать его как эксплуататора, — она показывает, что он разбогател благодаря случаю, это случайное золото, которое досталось ему от одного богача во время безвременья в городе, когда новые войска еще не вошли, а старые уже ушли. Люмпен-пролетариат кидается на дома богачей и начинает грабить. Этот крестьянин вместе с толпой попадает в дом богача и случайно ему достается довольно большая сумма золотых денег, благодаря чему он разжился и стал на путь зажиточной жизни. Она обходит правдивый способ обогащения кулака, как обогащение путем эксплуатации, — она дает ему более благородный способ разжиться. Это она делает для того, чтобы еще более облагородить этот образ. Но философия ее такова — это изображение богатого, зажиточного крестьянина, который все счастье своей жизни видит в земле, и несчастье приходит тогда, когда он отрывается от земли. История с его сыновьями, которые уходят в город — он слушает разговоры своих сыновей о том, что нужно продать землю. Он говорит в ужасе, что землю продать нельзя, а сыновья переглядываются за его спиной, говоря этим самым, что пока старик жив, землю продать трудно, а как только он умрет, с землей будет покончено.

Вот особенности философии автора, его мировоззрение, его художественная идеология. Само собой разумеется, что с нашей точки зрения эта идеология никак не может быть признана правильной и дающей возможность понять действительность так, как она есть. Но независимо от воли автора, помимо его намерений, благодаря тому, что этот автор — реалистический художник, благодаря тому, что он правдиво изображал то, что видел, книга эта дает нам много правдивых картин быта и обстановки и социальных картин быта китайских крестьян — и в этом ее ценность.

Мы можем указать многих крупных художников, как, например, Бальзак, о котором Маркс и Энгельс говорили, что этот писатель дал им возможность узнать о французском обществе больше, чем книги экономистов и ученых-исследователей. Бальзак был по своим воззрениям анархистом-легитимистом, а в то же время он изобразил действительность очень точно. Это противоречие между воззрениями художника и действительностью благодаря тому, что он — реалист, есть и у Перль Бак. Мы, видя ограниченность ее мировоззрения и недостатки ее философии, видим ту реалистическую правду, которая заключается в книге «Земля».

В чем же она заключается? Что ценно в этой книге?

Прежде всего — это правдивое, очень трезвое, неприкрашенное, без всякой романтики изображение жизни китайского крестьянина, его быта, его экономических условий. Вспомните всю жизнь этого крестьянина до момента его обогащения; вспомните страшную картину голода, когда в крестьянской деревенской семье начинается людоедство. Возьмем Ван Лина — с каким трудолюбием он работает на своем клочке земли, как работает его жена, как он в поту добывается максимального благополучия в первый год его женитьбы, когда рождается у него первый сын, потом второй сын; у него хороший урожай, у него появляется серебряная монета, он бережно ее тратит, и как один неурожайный год ставит их лицом к голоду. Вспомним, как описываются сцены обнищания этой семьи, когда они вынуждены были продать свою утварь и отправиться в другой город, где можно прокормиться филантропией или нищенством. Как правдиво описывается экономика крестьянской деревни в первый год женитьбы Ван Лина. Вы помните эту сцену, когда он, перед тем как идти за невестой, совершает свой туалет, как он впервые после многих месяцев решил вымыться весь и как он вылил ту воду, которая была приготовлена для поливки огорода. Его быт, его пища, его стол — это был настолько торжественный день в его жизни, когда он шел в дом богача, что он бросает в этот день своему отцу-старика несколько щепоток чая. Вспомните тот момент, когда у него родился первый ребенок, когда он пошел в город купить жене красный сахар. Я не знаю, что это такое, но очевидно это было очень дешевое лакомство, потому что в тот день, когда она родила второго сына, она купила белый сахар и понесла его своей госпоже. Вспомните затем самые условия этого брака: как долго он обсуждал с отцом этот момент, важнейший в его жизни: какую жену взять — молодую, красивую? Она стала бы требовать много нарядов и не стала бы работать, как его жена О-Лян. В конце концов, он решил взять в жены рабыню.

Самый институт рабынь — этот обычай описан с огромной правдивостью. Этого нельзя читать без возмущения, без протеста, — и автор хорошо делает, что он не добавляет ничего от себя, не делает никаких примечаний к этому. Он описывает скупо, сухо, реалистично и правдиво весь обычай продажи в рабство девочек, когда семья голодает. Целое исследование не даст вам такой картины нищеты китайских крестьян. Вспомните момент, когда жена и Ван Лин обсуждают — продать ли им девочку, когда они хотят вернуться к земле. Земля тянет их обратно. И только случайно попавшее к нему золото спасает его девочку от того, чтобы быть проданной в рабство. Эта тупость, покорность забитой женщины —

жены Ван Лина — когда она с болью говорит: «Единственный выход — не продать ли нам девочку в рабыни?» — этот образ один из лучших в литературе, образ китайской крестьянской женщины. Тут колорит особо национальный, нам, конечно, незнакомый: все особенности быта не покрывают того общего, что есть в изображении жизни этого китайского крестьянина, что было у нас до революции, и что есть до сих пор в очень многих крестьянских семьях и в фашистской Польше, и в Германии, и в Англии, во многих капиталистических странах, и в особенности в странах средней Европы, в странах центральной Европы, в странах, в которых крестьянство составляет довольно еще большой процент населения — в Чехословакии, Болгарии и Сербии.

Этот тип женщины — покоренной, забитой женщины, которая с невероятным терпением выносит все тяготы, выпавшие на ее долю, вместе с тем образ мужества, образ благородства — разве вам это не напоминает некрасовскую женщину, которая всю жизнь в кровавом поту обрабатывает со своим мужем землю, рождает детей, терпеливо и покорно? Это действительно образ большого художественного обобщения. На всех этапах эта женщина покорна своей судьбе: вспомните ее от первого момента, когда Ван Лин пришел за ней брать ее в жены: она видит его первый раз, она покорно идет за ним, она покорно рождает детей, но в этой покорности есть большая внутренняя сила. Когда Ван Лин разбогател, его уже начинает касаться дух разложения, когда он вводит девушку из публичного дома в свой дом в качестве своей второй жены, — как ведет себя его жена, как показана ее оскорбленная гордость; она не смеет сказать ему ничего, потому что таков обычай крестьянской семьи. Но как прекрасна ее трагедия, ее оскорбленное материнство.

Это изображение быта голодной деревни, вся обстановка, — все это говорит об экономике и психологии бедного крестьянина, говорит больше, чем очень многие научные книги, научные исследования, статистические сборники и т. д.

Вот та реалистическая правда, от которой честный художник уйти не мог и которую он показал вопреки философскому противоречию — идеализации кулака, в которого превратился Ван Лин, и вопреки идее противопоставления земли городу, изображению города, несущего что-то тлетворное для деревни, разлагающее людей земли. Вопреки [...] ограниченной и буржуазной в своих корнях философии, в книге показано очень ярко и правдиво очень многое из жизни современных китайских крестьян эпохи войн и революций, эпохи той гражданской войны, которая кипит и по сей день в Китае.

Следующее достоинство книги заключается в том, что эта книга изображает Китай — страну колониальную и полуколониальную,

[...] не как экзотическую страну. Есть целая линия в западной литературе — так называемые колониальные романы. Обычно это очень увлекательные романы, в которых изображаются восточные страны в духе необыкновенных чудес, каких-то происшествий. В книге Перль Бак никакой экзотики нет. Она описала жизнь так, как она ее видела, без всякой таинственности, без всякого приукрашивания, без того налета приключенчества, которые есть в буржуазных романах, изображающих экзотические страны. В этом еще одно достоинство этой книги.

Тов. МАРКОВ (рабочий). Книга Перль Бак в наших условиях нереальна. Возьмем такие два предмета, как деньги и земля. Что касается денег, то сказать «руки вверх» — это можно, это принцип буржуазного класса. Но землю нужно купить. Взять ее, как Ван Лин, — нельзя. Ван Лин пришел в дом богача; тот, увидев его, испугался. Ван Лин первым делом потребовал денег; когда тот всучил ему пригоршню золота, Ван Лин сказал: «Нет, этого мало». Когда Ван Лину надо было приобрести землю, он пошел в богатый дом и купил немного земли. Потом, когда он пришел из большого города, он взял Чина в управляющие потому, что он ему доверял. Здесь показано, как батрак своими руками бьет батраков. Вся эта история с превращением в кулака — нереальна.

О женщинах. Насколько это справедливо — я не могу сейчас судить. Когда читаешь эту книгу, то смотришь на выведенную там женщину как на забитое животное, которое прямо не смеет сказать слова. Она ничто. Если рождается ребенок женского пола — это раба, это уже несчастье в дом. Возможно, в Китае это так, но в наших условиях это возмущает.

В книге Перль Бак показан еще один интересный тип — это дядя Ван Лина. Правда, мы смотрим на него как на люмпен-пролетария — он ушел с беднотой, т.е. с теми, которые борются против эксплуатации. В это же время, когда он борется против эксплуатации, он приводит к этому Ван Луну одного торговца, который хочет купить у него землю за бесценно. Перль Бак описывает его как бандита. Ван Лун кормил его все годы. В сущности этот дядя стоит не за беднейшее крестьянство, а зачастую за то, «куда ветер дует». Это не критическое отношение. Это невероятно, и плохо веришь этому.

Тов. БРАГИНСКАЯ. Бесспорно, что книга написана в высшей степени хорошо, красиво и вместе с тем так просто и замечательно, что ее можно отнести к тем книгам, которые не хочется кончить, а по прочтении — жалеешь об окончании. Но, вместе с тем, эта кни-

га не лишена тех недостатков, которые в первую очередь заметит советский читатель. Люди, которые читают современную литературу, классиков, которые разбираются в обстановке современности, они стараются найти в книге социальную базу, а в этой книге ее найти трудно. Например, возьмем начало книги. Когда я читала, я предполагала, что конец будет не таким, потому что если в лице бедного крестьянина показывается человек в высшей степени честный, покорный, преданный, то, казалось бы, он найдет иной выход своей честности в условиях Китая, в которых он находится. А когда я прочитала финал, у меня было недоумение. Как могло случиться, что человек, который был неглупым и честным, и жил в такой обстановке, несмотря на все невзгоды, как он мог не разочароваться в той действительности, в которой он был? И это расходится с определением Маркса — «быт определяет сознание», а быт Ван Луна не определил его сознания, он продолжал стремиться к земле и хотел себя обогатить. В нем сказалось именно стремление крестьянина к наживе, чтобы иметь больше земли.

У Третьякова написано несколько слов об отношении ее [Перл Бак. — *О.П.*] к белым. До того, как я прочла послесловие Третьякова я сама поразились, как могла писательница, человек, который может ориентироваться в обстановке, так приукрасить действительность. Это пишет писатель несоветский, поэтому многие стороны приукрашены и показаны лишь с хорошей стороны.

После этого я прочла еще одну Перль Бак, где говорилось об одном студенте, который, приехав к себе на родину, столкнулся с бытом, с которым примириться он не мог. Его принуждали жениться, и при той безработице, которая была в Китае, он не находит для себя выхода и кончает тем, что принимает яд. Когда я прочла эту книгу, я сделала вывод, что эта писательница не хочет, а возможно, и не может подвести социальную базу тому, что есть, и она дает только факты, а во всем остальном предоставляя самому читателю сделать тот вывод, который он найдет нужным.

С чем я не согласна в примечании Третьякова — это [...] когда он пишет о той сцене, в которой отец порицает сына за воровство и после этого сам идет воровать. Наоборот, это очень характерная черта и можно сделать вывод и отрицательный, и положительный, потому что все-таки передает лицо крестьянина. Я вспомнила рассказ Горького «Челкаш» где сказалось стремление крестьянина к земле, к собственности. Я считаю, что несмотря на то, что отец Ван Луна был честный человек, в спокойной обстановке он мог порицать сына, но когда он столкнулся с тем, что определяет цель его жизни, он не посмотрел ни на что. Может быть, это было введено самим автором. Как писательница ни обходит всю обстановку, как

будто Ван Лин живет в оторванном мире, где нет никакой дисциплины, нет никакого государственного управления, все-таки это не прошло бы бесследно. Но по-видимому, нужно было сделать какой-то переход, и поэтому она показала так.

Мне кажется, что первая и вторая половина книги не связаны между собой, а просто приложены. Если бы она взяла действительно кулака-крестьянина, то он был той натурой, какой он вышел, а так как эти части не связаны, то у нее частный крестьянин превратился в кулака, которого мы не можем признать реальным.

В отношении женщины все описано хорошо, и даже когда читаешь, охватывает ужас. Но все-таки здесь тоже небольшое «но». Перль Бак — человек культурный, она знает, что женщина цивилизованной страны, безусловно, не в таком положении, как женщина Китая, и все-таки она никакого вывода не сделала. Не видно никакого недовольства писателя, никакого сожаления, — она просто констатирует факт и никак на это не реагирует.

Мне книга Перль Бак дала очень много [...], я после этого прочла книжку «История Китая» и Третьякова «Ден-Ши-Хуа», после чего я получила полную картину быта Китая. В книжке «Ден-Ши-Хуа» Третьяков дает обстановку Китая и классовую борьбу. Если же прочесть только книжку Перль Бак, останется смутное представление о том, каков действительный быт крестьян в Китае.

Тов. ХАНИН. Во-первых, получается недоверие к тому, что описывается. Получается странный факт: когда Ван Лун во время голода попадает на юг, то он неведомым образом разбогател, попав во время нападения на Дом Хуанов в их дом и вынеся оттуда мешок с серебром. Каким образом он мог пройти незамеченным и сделать это так быстро? Все это представлено очень стихийно, между тем писательница в одной части попыталась показать какие-то сборы, митинги, но она не сказала, что это было за собрание, какова была цель, так что у нее политической подкладки почти совершенно не было, и она ее не довела до конца. Зато получается какая-то безвестность, описание происходит без указания времени, и я согласен с товарищами, что если проследить по историческим датам, вставить их, то все равно место действия представить невозможно.

Книга вообще интересна и захватывающа. Я читатель разборчивый, но я читал обе части, и мне книга понравилась. Так что те пробелы и недостатки, которые имеются в книге, не затемняют всей сущности дела. Видно, что писательница знает быт, описала его хорошо, я бы не сказал, что здорово. Книга во многом дает представление о жизни и быте Китая, о женщинах и мужчинах.

Тов. БЕЛЮШИН (рабочий). Я читал первую книгу, но второй книги не читал. Я бы сказал, что эта книга хороша тем, что она дает историю китайского народа. Прочитав эту книгу, мы видим, в каких условиях жили и продолжают жить крестьяне.

Здесь говорили насчет золота. Непонятно, как разбогател Ван Лун. Автор хорошо показал Ван Луна, он показал, что Ван Лун был трудолюбив, честно работал.

Если кто читал послесловие Третьякова, тот знает, что Перль Бак — это миссионерка и что она не хотела показать действующие лица как следует, она многие черты замазала, так как сама принадлежит к другому классу. В конце концов Ван Лун стал эксплуатировать людей, автор показал его хорошие стороны и их противоположность. Например, он не брал денег, не грабил, а в конце концов стал эксплуатировать человека, потом стал уже покупать рабынь — все делал нечестно, а между тем автор все старался смазать это. Это объясняется тем, что она сама из той среды, в которую попал Ван Лин, и старается как-то сгладить. Она разбогатевшего человека не хотела показать, как следует. Как-то не вяжется: то она показала его честным, а потом показала его как эксплуататора — впечатление, как будто это не один [и тот же] человек в романе.

Тов. ХАНИН. Каким образом Ван Лин мог вынести с собой несколько мешков серебра? Неестественное получается его разбогатение. В конце концов, можно ограбить, но вынести три-четыре мешка серебра сразу — эта мысль у меня не укладывается. В конце концов, он не один, грабили многие, а Ван Лину почему-то досталось несколько мешков серебра. Как это произошло? Этот факт остается непонятным.

Тов. БУКИН. Писательница Перль Бак — не из среды рабочих, и взгляды ее — не рабочие взгляды. Вследствие этого она скрывает настоящее лицо кулака, сгладила, смазала, как будто кулак может быть честным человеком. В действительности, хотя он и случайно разбогател, как она показывает, но все же он кулак и впоследствии стал эксплуатировать.

Интересен такой момент: когда Ван Лун женился, он взял себе жену, желая, чтобы она, главным образом, была хороша для полевых работ. Когда же у него появилось серебро, золото, довольство, то у него, как у мужчины, появился совсем другой взгляд на женщину. Когда он вошел в чайную, то ему понравилась женщина с маленькой ножкой, и он стал совсем другим человеком, он стал расточительным и начал бросать серебро целыми пригоршнями. А вначале он был таким скромным, собирал копейку к копейке,

смотрел за тем, чтобы жить экономно, а потом у него другой взгляд получился на вещи. Это просто забавляет. И дети у него были — один государственный деятель-чиновник, другой стал купцом, а третий не захотел быть ни купцом, ни ученым, а пошел в солдаты. Здесь это показывается, как у Толстого в рассказе о трех братьях, из которых один был военный, другой купец, а третий был просто Иван-дурак. И здесь тоже самое получается, все три брата пошли по разным дорогам, и у всех трех были разные вкусы. И отец смотрел на них не как на своих детей.

Тов. БРАГИНСКАЯ. По части последнего замечания. Наоборот, это-то и хорошо, в этом сказывается окружающая обстановка, а не только семья, так как было бы сверхнеправдоподобно, если бы три сына были тождественны. Здесь сказывалось внешнее влияние, а на земле этого не было. [...]

[Перл Бак показывает, что] только из извечного стремления крестьянина к земле, к тому, чтобы земля рождала, чтобы плодородие окружало его, что он не мог смотреть, что земля пустует, — он прибегнул к тому, чтобы пригласить батраков. Она должна была раньше показать его обогащение как эксплуататорское, но она это обошла. Вы это правильно заметили. Но сказать, что она не правдиво изобразила психологию этого человека — с этим я не согласна.

Допустим, что неправдоподобно изображено обогащение этого человека и превращение его в кулака. Но факт совершился, он стал кулаком, закупил землю у разорившегося феодала — у Хуана, и когда он становится богачом, психология его меняется. Постепенное изменение его психологии показано Перль Бак превосходно. Он становится тщеславным (это не сразу сделалось), и показано, как он развращается от безделья. Перль Бак делает это тонко, в определенный момент он оказывается склонным к городскому разврату, который она изображает в чайном домике, когда он начал тосковать от безделья. На этой почве у него получился избыток сил, которые некуда было девать. Она это показала правдиво, — как этот же самый человек, который был очень честным, симпатичным, сердечным человеком, отзывчивым человеком, как он начинает на наших глазах портиться, изменяться благодаря богатству. Его тщеславие, его гордость — это не сразу пришло. Как он гордился, когда он повел первого сына в школу. Как он раньше не умел подписать своей фамилии, над ним смеялись. В нем появилось самолюбие, тщеславие — и в этом нет ничего удивительного. Вы помните слова тов. Ленина, что эта мелкая, частная крестьянская собственность ежечасно, ежеминутно рождает капиталиста.

Психология меняется под влиянием изменения социальной обстановки, — и это она показала правдиво, она показала, как человеческая личность, как его психология круто меняется, когда меняется обстановка. Это — специфический тип крестьянина. Желание показаться, почет, которым он окружает себя в деревне, то, что он учит своих сыновей — это показано очень ярко. Его сыновья уже господа. Вы помните эту сцену, что сын его начинает тосковать, и Ван Лин не понимает — откуда эта тоска, а жена его говорит, что она видела эту тоску у богатых молодых людей, которые от безделья тоскуют по женщине. Ван Лин сам трудился, и ему была чужда эта тоска, но ему не приходит в голову заставить своего сына работать. Ему льстит, что его сын — барин. Рязанский, польский или норвежский это кулак, но вы эти черты у них у всех заметите — это социальная черта.

Тов. ТРОЩЕНКО. То, что здесь говорилось, почти все высказывания были содержательными и очень дельными, и товарищи подметили все те противоречия, которые есть в этой книге и которые действительно бросаются в глаза.

Я хотела бы возразить на замечание товарища относительно того как резко изменился Ван Лун: как будто это два разных человека, и этот образ Ван Луна не увязывается с прежним Ван Луном, таким трудолюбивым, таким робким и в конце концов с таким мягким сердцем, каким он описывается вначале. Это неразвитой, примитивный человек, но в нем есть сердечность. Показано, как он жалел жену, как он хотел доставить ей радость, когда родился его первый ребенок, его семейственность и уважение к старику, о котором он заботился (хотя это и традиционный момент, но сердечность была). Но во второй части книги он показывается иным, и не увязывается, что это тот же самый человек, который вдруг стал кулаком.

Как, не нарушая художественности книги, можно было это сделать? Эта сторона книги не нуждается в упреках. В конце концов, для нас остается подозрительным и неубедительным только один момент — это момент обогащения. Тут я целиком согласна, что история с деньгами, золотом, которое он достал в Доме Хуанов, в основном звучит неправдоподобно, и не потому, что ему не удалось скрыться с мешком золота. Там мешка и не было, он взял золото в полу своего халата от не успевшего бежать прихлебателя, жившего в этом доме, который и высыпал ему все золото, которое при нем находилось. Ван Лун взял золото в полу своего халата и, ничего не соображая, растерянный от неожиданной находки, он прибежал в свою лачугу из циновок под стеной дома. Писательни-

ца обставила все литературно, с этой точки зрения. Мешка с золотом он не несет. Можно было сказать, что город был оставлен войсками, город очистился от войск, которые его занимали, и было какое-то безвременье, когда новые войска еще не вошли, а те уже ушли, и там был люмпен-пролетариат городской, который она описывает в неприглядных тонах. Вспомните, как Ван Лун живет в доме, и как живут его соседи. Это босячня — одни были руководителями шайки воров, другие нищенствовали, когда они зарабатывали на пропитание, они это проигрывали в кости, пропивали. Писательница рисует в неприглядных тонах городскую плебейскую среду, в которую попадает Ван Лун, как только он отрывается от земли. И эта банда городского плебса кидается на дом богача и грабит его.

Ван Лун не имеет этого намерения, он попадает в толпу стихийно, и все с ним совершается стихийно, и находка, и бегство с золотом, и немедленный отъезд к себе на родину. Нельзя сказать, что это было бы литературно неправдоподобно. Она это обставила так, что это может сойти за правду. Но внимательный взгляд советского читателя видит противоречия, более глубоко идущие, и не только по линии литературного несоответствия, промахов. Писательница обставила это умело, но противоречия касаются более глубоких вещей, они затрагивают ее мировоззрение и философию, и вы правы в том смысле, что вся история с золотом, которое взял этот человек, выглядит так, как будто бы человек клад отыскал, как будто бы русский мужичок шел-шел по лесу и нашел клад. Это попытка уйти от показа обогащения крестьянина, и она показывает, что он тогда стал эксплуататором, когда у него стало столько земли, что он не мог с ней справиться.

Она показывает этого старика, который умирает, опившись опиумом; она показывает старого барина, помещика Хуана, с его наложницей, который остается один в покинутом доме, и то, что крестьянин покупает землю у феодала — это она считает правильным, это ее идеал. Но ее идея — это буржуазная, капиталистическая жизнь на основе земли, на основе господства мелкой частной крестьянской собственности против феодалов. Да, она против феодалов. Но ее мировоззрение дальше утверждения мелкой крестьянской частной собственности на землю не идет. Поэтому она считает, что землю нужно купить, пусть даже за бесценок, и он на этом строит свое счастье. Но несчастье к нему приходит от безделья, от образованности его сыновей, от богатства, которое превышает его потребности. Перль Бак хочет показать, что мирная крестьянская жизнь без большого обилия, без богатства, труд на клочке земли, — вот идеалы, за которые надо держаться. Идеалы — очень узкие и

бедные, в угоду которым она написала эту книжку, и в угоду которым ей пришлось обойти борьбу за землю, изъять землю у богача. Ведь проблема земли в Китае — это основная проблема, борьбы крестьян за землю. Проблему насильственного изъятия земли у феодала она должна была обойти. По сути дела, она создала утопическую картину, и поэтому она должна была изолировать эту книжку от политики и от многих проблем: от проблемы насильственного изъятия земли, от связи этой проблемы и тяги к земле с национально-освободительным движением. И тут вы правы, говоря, что она обошла проблему колониального угнетения. Третьяков в послесловии говорит, что единственный раз, когда появляется представитель белых, — это дама-американка, которая дает вдвое больше рикше, чем это обычно полагается. Нигде проблема угнетения Китая белыми не проявляется. Конечно, здесь сказались симпатии Перль Бак к представителям цивилизованного мира, к американскому миссионерству. Она не могла поставить эту проблему, она должна была ее обойти, но только в более мягкой форме. Она обошла ту же зависимость Китая, т.е. она искаженно, ограниченно дала картину, но отдельные углы этой картины, которые она осветила, она осветила очень интересно и во многом правдиво.

В основном наша с вами точка зрения на книгу Перл Бак сходится — на ее относительную ценность, и на ее абсолютные недостатки. Недостатки ее абсолютные велики, а ценность ее — это относительная ценность большого мастера, который, несмотря на свою ограниченность и узкое мировоззрение, сумел кое-какие стороны социальной жизни Китая осветить художественно и очень ярко.

[...] Если вы хотите увидеть черты тщеславия, раздутого самолюбия разбогатевшего мужика, прочтите романы Гамсуна «Август», «Бродяги», «Роза Бенони», и вы увидите сами сходные черты. Это замечательное явление, независимое ни от условий быта, национальности и обстановки, вызываемой национальностью, эти общие черты социальные вы встретите всюду. Когда вам правдиво описывается китайский кулак, вы видите черты русского и норвежского кулака. В книге показано изменение психологии ввиду изменившегося социального положения, и это изменило всю его психологию, и это хорошо показано, и это говорит в пользу писательницы, которая сумела вопреки своему, несомненно буржуазному, узкому, полному всяких лживых моментов мировоззрению, раскрыть очень много правды и социальной правды. В этом пункте я с вами не согласна. Единственное, в чем я согласна, это что момент самого обогащения сделан фальшиво и неубедительно социально, а литературно это сделано очень ловко. Мы не знаем, что это за мятеж.

Банда люмпен-пролетариата бросается громить богатый дом. Все это проходит незаметно. Эту проблему она обошла. О том, что было в городе до волнения, она говорит намеками. Что это были за листовки — пропагандирующие идеи социализма, или же те, на которых изображен Иисус Христос? Допустим, что Ван Лун не понимал того, что происходило в городе, но отчего он забился в угол?

Но писательница должна подняться над точкой зрения тупого ограниченного человека, не умеющего разобраться в социальных, бытовых и политических событиях, мечтающего о земле и видящего в ней все свое счастье. Она должна была показать, что это были за события, чем они были вызваны. Тут идет речь не о правдивости, а о политической ограниченности.

Вы хорошо поставили вопрос о земле: землю надо купить. Это целиком входит в ее философию.

В конце концов, что за идеология этого писателя? Определим ее, когда мы с вами уже достаточно поговорили. Писательница идеализирует Ван Луна как кулака, но она вовсе не за этот путь жизни.

Что для нее представляется идеальным? Это крепкая, зажиточная жизнь на земле, которую надо уберечь от тлетворного влияния города. В этом она видит счастье, и для нее частная собственность на землю — это непреложный тезис, через который она не может переступить.

Что означает гибель богатого дома Хуанов?

Если перевести на социально-экономический язык, то что она имеет в виду? Она как будто бы правдиво показывает кризис феодального строя в Китае. Что мы имеем в Китае в последние годы? Борьбу крестьянства против остатков крепостничества, против феодального уклада китайской жизни. И эту гибель, этот распад феодального уклада она показывает правдиво. Она не на стороне этого дома Хуанов, распад его она показывает как необходимый процесс. Она показывает их вырождаками, которые потеряли почву и свою родную землю и перестали быть производителями.

Тов. ХАНИН. Во время Японской войны один из моих товарищей рассказывал, что китайские солдаты все были с косами. Теперь китайская армия вся без кос.

Тов. ТРОЩЕНКО. Я хочу вам порекомендовать одну книгу, если вы заинтересовались историей Китая, которая дает яркую интересную картину революции в Китае. Это книга французского писателя Мальро. Она недавно появилась на русском языке. Книга эта называется «Условия человеческого существования» или «Челове-

ческий удел»³⁸. Писатель этой книги — Мальро — левого направления, который был в Китае в этот период, писатель очень талантливый, книга которого дает политическую картину китайской революции, борьбы китайской политической партии, проблему разрыва с Гоминданом, затем измена Чан-Кай-Ши, — одним словом, все картины Китая этого времени. Я вам ее очень рекомендую. Эта книга печаталась в «Молодой гвардии» в 1935 году [...]. Вещь очень увлекательно написана. Там есть другие недостатки, тоже идущие от некоторой ограниченности мировоззрения автора: этот писатель — интеллигент, очень изощренный писатель, который под влиянием кризиса и наступления фашизма стал леветь и переходить на сторону коммунизма. Это полевение началось еще года три-четыре тому назад, — сейчас это уже совершенно близкий к нам представитель интеллигенции. Это сказывается на его философии, и в этой книге по-иному поставлена проблема участия в революции: она поставлена как проблема жертвенности, как проблема искупления грехов, которое приносит революционер на алтарь классовой борьбы.

Писательница сама представительница белых и колониальных угнетателей Китая. Если бы она была революционеркой, участвовала в революционной борьбе китайского народа, она могла бы независимо от своей расовой принадлежности дать правдивую картину, но этого не случилось. Надо сказать, что колониальная проблема волнует представителей империалистических стран очень сильно, и вопрос о том, как править в колониях и держать их в повиновении, занимает многих политических деятелей крупных империалистических держав, и особенно Китая, в котором несколько лет кипит революционная борьба. Она то затихает, то вспыхивает, противоречия сталкиваются, и вопрос о дальнейших путях развития, об экономике колоний очень интересен и экономистам, и писателям, и торговцам, примыкающим к капиталистическим державам. И эта книга представляет собой утопическую попытку создать своего рода социальную утопию, нарисовать свой путь, который ей кажется идеальным и наиболее правильным для разрешения экономической проблемы Китая. Вот ее идеал, но идеал этот не новый.

(Голос с места). Мы не могли разобраться, в какое время печаталась эта книга?

³⁸ Отрывок из романа А. Мальро «Условия человеческого существования» (1933), получившего Гонкуровскую премию, был («по горячим следам» напечатан в «Интернациональной литературе» (1933. № 4. С. 38–43; пер. Н. Габинского); затем полностью — в журнале «Молодая гвардия» (1935. № 4–8).

Тов. ТРОЩЕНКО. Лучше всего вам поможет разобраться Третьяков, который рассуждает и не приходит к выводу. Писательница не дает дат, у нее имеются противоречия в хронологии. Ясно, что речь идет не о современном Китае, но очевидно о 1926–1927 гг.

(Голос с места). О времени Чан-Кай-Ши?

Тов. ТРОЩЕНКО. Да. Когда пытаешься вставить даты, то пытаешься сравнить даты первой книги со второй, когда у старшего сына героя рождается сын, т.е. внук Ван Луна, то если подсчитать, оказывается, что действие происходит в 70-х годах прошлого века. Это, конечно, чепуха.

Я не специалист по Китаю, но такая вещь, как остригание кос в городе, когда Ван Луна называли деревенщиной за то, что он не обрезал косы, это было в 1911 г. Что касается железной дороги, «огненной телеги», о которой они говорят и по которой они едут в южный город, то в 70-х годах в Китае не было железной дороги, а лишь прокладывалась какая-то линия. Значит, речь не идет об этом времени, а о всей атмосфере и той проблематике, которая глухо представлена. То же самое и земля, которая выражена здесь в узком плане (а вообще она выражена в широком), — все это говорит, что мы имеем дело с первой волной китайской революции, которая разыгралась в 1928–1929 гг.

(Голос с места). В 1927 г. я был мальчиком, тогда ходили китайцы и продавали кое-что, и косы у них были.

Тов. ТРОЩЕНКО. Третьяков говорил, что это явление европеизации имело место в Китае, в городе. Если события происходят в 1926–1927 гг., то в глухой деревушке ходили с косами.

(Голос с места). В «Рычи, Китай», там есть действующие лица с косами.

Тов. ТРОЩЕНКО. Интеллигенция не носила кос задолго до 1917 г. Этот оттенок есть в книге, но самый быт и типы китайских революционеров показаны очень интересно. Там даны сцены уличной борьбы, восстания; жизнь рабочих, коммунистов, революционеров Китая дана очень правдиво. Разгром китайской компартии, мучения женщин и китайских революционеров, которым они подвергались после того, как Чан-Кай-Ши [пропуск в стенограмме. — *О.П.*], связь его с представителями крупного иностранного капитала. Там вы уже получите реальную картину, и экономическую, и

политическую, а не только абстрактно-социальную, которую дает Перль Бак. Там вы увидите замечательные сцены, когда магнаты иностранного капитала, которые держат в своих руках банки и концессии в Китае и Индокитае, видя, что китайские коммунисты близки к победе, предлагают Чан-Кай-Ши уничтожить, погубить коммунистов, революционеров в Китае. Прекрасно показаны тонкие нити, протянутые между крупными магнатами и бандитами. Сама фигура Чан-Кай-Ши очень интересна, хорошо даны различные образы революционеров, от леваков, которые проводили взгляды троцкистов, до террористов-интеллигентов, которые, захотев спасти китайских революционеров, бросили бомбу в Чан-Кай-Ши. Я рекомендую вам прочитать.

(Голос с места). Я в 1928 году, будучи в Баку, слышал лекцию о южном Китае, и тогда обещали, что книгу выпустят.

Тов. ТРОЩЕНКО. Может это были «Китайские новеллы» Эрдберга³⁹?

(Голос с места). По рассказам там было два корреспондента, у одного материал забрали, а другой успел проскользнуть. Я думаю, что сохранился материал о том, кто читал в Баку лекции.

Тов. ТРОЩЕНКО. Тов. Эрдберг — это наш товарищ, коммунист, который там жил и работал. А эта книга Мальро, где он вводит в курс и пекло событий, которые происходили в это время. Сын Чан-Кай-Ши находится у нас, он работает на Уралмаше⁴⁰.

(Голос с места): Да, было в газете письмо сына Чан-Кай-Ши, в котором он отказывался от своего отца. Это было уже давно.

Тов. ТРОЩЕНКО. Он работает на одном из заводов в качестве заместителя редактора заводской многотиражки.

---

³⁹ Оскар Эрдберг (наст. имя Сергей Петрович Разумов, 1901–1938) — революционер, партийный и комсомольский деятель, дипломат, литератор. Находился в 1926–1927 гг. в Китае, откуда после подавления революции вернулся в СССР через пустыню Гоби. «Мы куем мечи (китайские новеллы)» были опубл. в «Роман-газете» в 1929 г., № 24 (54).

⁴⁰ Цзян Цзинго (1910–1988), сын Чан Кай Ши и Мао Фумэй, с 1925 г. учился в СССР, окончил Коммунистический университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (КУТК), принял русское имя Николай Владимирович Елизаров (взял фамилию сестры Ленина Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой, у которой жил в Москве). В 1932 г. переехал в Свердловск, работал на «Уралмаше», с 1934 г. стал редактором заводской газеты «За тяжелое машиностроение».

(Голос с места). Если бы эту книгу писал наш автор — какое требование Вы бы к нему предъявили?

Тов. ТРОЩЕНКО. Трудно представить себе, чтобы какой-нибудь наш автор мог бы написать такую книгу.

(Голос с места). Как бы Вы отнеслись к нашему автору, который бы написал такую книгу?

Тов. ТРОЩЕНКО. Она очень талантлива, и уровень мировоззрения чрезвычайно низкий и ограниченный.

(Голос с места). Она многое приукрасила.

Тов. ТРОЩЕНКО. Она многое идеализировала, но единственное, на что она упирала, это на то, что ему богатство не принесло счастья, к которому он стремился, и что счастье все-таки на том клочке земли, на котором он родился и на который она его привела умирать. Но самую его деятельность она действительно показала в очень приукрашенных тонах. Эта книга почему интересна? Потому, что кроме того, что она изображает Китай, изображает ограниченно, слабо, но в какие-то моменты она говорит о тех процессах, которые происходят сейчас в головах западной интеллигенции. Она для нас имеет познавательное значение. Западная интеллигенция начинает задумываться перед революцией, перед теми противоречиями, которые она теперь видит в обнищании. Перль Бак плохо, искаженно, но она должна была показать в первой части, в каких условиях живет крестьянство, весь его кровавый труд, всю его экономику. А возьмите английского писателя Ольдингтона, который показывает настроение мелкобуржуазной интеллигенции после войны — пессимизм, упадочность, полный душевный распад. Это тоже говорит о том, что что-то сдвинулось, что нет благополучия в этой жизни, что что-то неладно. Или укажу такого писателя, как Хемингуэй — очень интересный автор, который пишет маленькие новеллы. У него косвенно, но очень сильно показана эта опустошенность современного интеллигента из буржуазной среды, который отупел, его оглушили события, которые развиваются в Западной Европе в последнее время: кризис, фашизм, предвоенная обстановка. Он обезумел от кризиса и не умеет размышлять, не видит выхода из создавшегося положения. Возьмите Дос-Пассоса, который не видит выхода. Он рисует распад сознания и быта мелкого буржуазного служащего, рантье.

А возьмите Фейхтвангера, знаменитую его книгу «Успех», которая направлена против фашизма и в которой интеллигент-писа-

тель дает бой фашистской идеологии и пишет резкий памфлет на фашистскую организацию и показывает, что европейская организация в своем последовательном развитии превратилась в цивилизованное варварство, в свою собственную противоположность.

Вот какие процессы происходят среди западной интеллигенции, и эта книга при всей ее ограниченности и бедности с нашей точки зрения политического сознания, она говорит о том, что какой-то сдвиг в головах людей происходит, и они начинают задумываться над проблематикой, толкуют ее вкривь и вкось, закрывают глаза на многое, но уже социальная проблематика в порядок дня поставлена. Человек бьется над какой-то проблемой, пытается сам разобраться в тех противоречиях, которыми кишит всякая колониальная и полуколониальная страна. Вот чем интересна эта книга. Если бы наш автор писал — это было бы другое. Тут интересно, что мы узнаем не только о Китае, но и об Америке, о настроениях довольно широких слоев американской интеллигенции. Это среда социальная — служащая интеллигенция, которая идет в миссионеры. Муж писательницы был профессор Нанкинского университета, отец ее был ученый богослов. Это нам интересно уже с чисто познавательной точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бак П.* Гордое сердце. М.: Вече, 1994.
- Бак П.* Драконово племя / Пер. Н. Дарузес, Т. Озерская // Интернациональная литература, 1943. № 1. С. 27–116.
- Бак П.* Земля. Отрывки из романа / Пер. Н. Дарузес // Интернациональная литература, 1934. № 2. С. 34–57.
- Бак П.* Земля / Пер. Н. Дарузес. Предисл. С. Третьякова. М.; Л.: ГИХЛ, 1934.
- Бак П.* Земля / Пер. А.Д. Гуревича. М.: Жур.-газ. объединение (сер. «Библиотека Огонек»), 1935.
- Бак П.* Императрица. М.: КРОН-Пресс, 1994.
- Бак П.* Рассказы. М.: Панорама, 1997.
- Бак П.* [Приветствие Советскому Союзу] // Интернациональная литература. 1942. № 7. С. 139.
- Бак П.* Призрак старого замка // «Я приду плюнуть на ваши могилы». Антология. М.: ИннКо; Калита, 1993. С. 259–447.
- Бак П.* Чужие края. Воспоминания. М.: Панорама, 1997.
- Бак П.* Свадьба. Глава из романа // Прожектор. 1934. № 4. С. 18–22.
- Бак П.* Сыновья / Пер. Н. Дарузес. М.: Гослитиздат, 1935.
- Добренко Е.А.* Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997.
- Елистратова А.А.* Китай вне истории // Художественная литература. 1935. № 9. С. 41–43.

- Елистратова А.А.* Талантливая апологетика кулацких иллюзий // Художественная литература. 1934. № 6. С. 32–36.
- Занегин Б.Н., Кунин В.В.* Рецензия на роман *The Man Who Changed China* // Советское китаеведение. 1958. № 3. С. 183–189.
- Кармон У.* Беседа с Перл Бак // Литературная газета. 1937. 30 марта.
- Кармон У.* «Воинствующий ангел» Перл Бак // Интернациональная литература. 1937. № 2. С. 234–235.
- Колесникова Г.* Проповедь возвращения // Интернациональная литература. 1936. № 1. С. 120–127.
- Константинов Н.* «Чувство земли под ногами» // Литературный современник. 1935. № 2. С. 222–224.
- Левидов Мих.* Видимость и реальность. Трилогия Перл Бак // Знамя. 1935. № 12. С. 237–250.
- Мальро А.* Условия человеческого существования / Пер. Н. Габинского // Интернациональная литература. 1933. № 4. С. 38–43.
- Мунблит Г.* Заметки о «Земле» Перл Бак // Знамя. 1935. № 12. С. 171–179.
- Селивановский А.* Реализм и тенденциозность // Литературная газета. 1934. 2 июня.
- Сергеева Н.* Банкротство одного «знатока Китая» // Новое время. 1950. № 11. С. 27–31.
- Сергеева Н.* Нет, революцию не экспортируют // Советская женщина. 1956. № 6. С. 30.
- Стронг А.Л.* «Изгнание» Перл Бак // Интернациональная литература. 1936. № 7. С. 195–196.
- Третьяков С.* О «Земле» Перль Бак // Интернациональная литература. 1934. № 2. С. 99–102.
- Третьяков С.* Разговор с читателем // Бак П. Земля. М.: ГИХЛ, 1934. С. 3–12.
- Фиш Г.* Рецензия на книгу П. Бак «Мать» (М., 1936) // Литературное обозрение. 1937. № 4. С. 26–28.
- Эйшиускаина Н.* Мирный ли атом? // Иностранная литература. 1960. № 6. С. 268–269.
- Buck, P.S. *Talk About Russia with Masha Scott*. N.Y.: John Day, 1945.
- Scott, J. *Behind the Urals: An American in Russia's City of Steel*. Indianapolis & Bloomington: Indiana UP, 1942.

REFERENCES

- Bak, P. *Chuzhie kraia. Vospominaniia*. Moscow: Panorama Publ., 1997.
- Bak, P. "Drakonovo plemia", transl. N. Daruzes, T. Ozerskaia. *Internatsional'naiia literatura* 1 (1943): 27–116.
- Bak, P. *Gordoe serdtse*. Moscow: Veche Publ., 1994.
- Bak, P. *Imperatritsa*. Moscow: KRON-Press, 1994.
- Bak, P. "Privetstvie Sovetskomu Soiuзу". *Internatsional'naiia literatura* 7 (1942): 139.
- Bak, P. "Prizrak starogo zamka". In *Ia pridu plinut' na vashi mogily. Antologiiia*. Moscow: InnKo; Kalita Publ., 1993: 259–447.
- Bak, P. *Rasskazy*. Moscow: Panorama Publ., 1997.
- Bak, P. "Svad'ba. Glava iz romana". *Prozhektor* 4 (1934): 18–22.

- Bak, P. *Synov'ia*, transl. N. Daruzes. Moscow: Goslitzizdat Publ., 1935.
- Bak, P. "Zemlia. Otryvki iz romana", transl. N. Daruzes. *Internatsional'naiia literatura* 2 (1934): 34–57.
- Bak, P. *Zemlia*, transl. N. Daruzes, foreword S. Tret'iakov. Moscow; Leningrad: GIKhL Publ., 1934.
- Bak, P. *Zemlia*, transl. A.D. Gurevicha. Moscow: Zhur-gaz. ob"edinenie, 1935, ser. *Biblioteka Ogonek*.
- Buck, P.S. *Talk About Russia with Masha Scott*. N.Y.: John Day, 1945.
- Dobrenko, E.A. *Formovka sovetskogo chitatelia: sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoi literatury*. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 1997.
- Eishiskina, N. "Mirnyi li atom?" *Inostrannaia literatura* 6 (1960): 268–269.
- Elistratova, A.A. "Kitai vne istorii". *Khudozhestvennaia literatura* 9 (1935): 41–43.
- Elistratova A.A. "Talantlivaia apologetika kulatskikh illiuzii". *Khudozhestvennaia literatura* 6 (1934): 32–36.
- Fish, G. "Retsepsiia ne knigu P. Bak 'Mat' (M.,1936)". *Literaturnoe obozrenie* 4 (1937): 26–28.
- Karmon, U. "Beseda s Perl Bak". *Literaturnaia gazeta* (Mar 30, 1937).
- Karmon, U. "Voinstvuiushchii angel' Perl Bak". *Internatsional'naiia literatura* 2 (1937): 234–235.
- Kolesnikova, G. "Propoved' vozvrashcheniia". *Internatsional'naiia literatura* 1 (1936): 120–127.
- Konstantinov, N. "Chuvstvo zemli pod nogami". *Literaturnyi sovremennik* 2 (1935): 222–224.
- Levidov, Mikh. "Vidimost' i real'nost'. Trilogiia Perl Bak". *Znamia* 12 (1935): 237–250.
- Mal'ro, A. "Usloviia chelovecheskogo sushchestvovaniia", trans. N. Gabinsky. *Internatsional'naiia literatura* 4 (1933): 38–43.
- Munblit, G. "Zametki o 'Zemle' Perl Bak". *Znamia* 12 (1935): 171–179.
- Scott, J. *Behind the Urals: An American in Russia's City of Steel*. Indianapolis & Bloomington: Indiana UP, 1942.
- Selivanovskii, A. "Realizm i tendentsioznost". *Literaturnaia gazeta* (Jun2, 1934).
- Sergeeva, N. "Bankrotstvo odnogo 'znatoka Kitaia'". *Novoe vremia* 11 (1950): 27–31.
- Sergeeva, N. "Net, revoliutsiiu ne eksportiruiut". *Sovetskaia zhenshchina* 6 (1956): 30.
- Strong, A.-L. "'Izgnanie' Perl Bak". *Internatsional'naiia literatura* 7 (1936): 195–196.
- Tret'iakov, S. "O 'Zemle' Perl' Bak". *Internatsional'naiia literatura* 2 (1934): 99–102.
- Tret'iakov, S. "Razgovor s chitatelem". In Bak, P. *Zemlia*. Moscow: GIKhL Publ., 1934: 3–12.
- Zanegin, B.N., Kunin, V.V. "Retsepsiia na roman *The Man Who Changed China*". *Sovetskoe kitaevedenie* 3 (1958): 183–189.